

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПОДСЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС»

Правовой статус судебных исполнителей (коморников) по законодательству

Польши

Волох Наталья Ивановна

преподаватель

Частное учреждение образования «БИП-институт правоведения», г. Гродно,

Республика Беларусь

e-mail: ariadna.74@mail.ru

Эффективность исполнительного производства, как известно, определяет результативность деятельности судов, т.к. любое вынесенное судом постановление, зачастую утрачивает свое правовое значение при невозможности его исполнения. Достаточно интересным представляются результаты проведенной в ряде зарубежных стран системы исполнительного производства и, в частности, внесение существенных корректив в правовой статус и формы деятельности лиц, осуществляющих исполнительные действия.

Польская система исполнительных органов, в результате трансформации правовой системы в целом в девяностых годах прошлого столетия претерпела значительные изменения. Ранее система исполнительных органов Польши соответствовала судебно-исполнительской модели. В 1997 году в Польше была проведена реформа и принят Закон о судебных коморниках и принудительном взыскании. Необходимо отметить, что понятие «судебный коморник» не совпадает по своему правовому содержанию с понятием «судебный исполнитель», применяемым в российском и белорусском законодательстве. Вышеуказанный закон не предусматривал изменений самой системы исполнительных органов, зато вносил существенные изменения в правовой статус судебного коморника как исполнительного органа, наделяя его в большей степени самостоятельностью и существенно повысив его заинтересованность в результатах исполнения. В законе определены статус и полномочия судебного коморника, организация исполнительских канцелярий, определены стоимость принудительного исполнения и доход судебного коморника, надзор за судебными коморниками, их ответственность и деятельность исполнительского самоуправления.

В соответствии со ст. 758 ГПК Республики Польша и ст. 2 Закона о судебных коморниках и принудительном взыскании судебный коморник является органом, осуществляющим принудительное взыскание. Совершая исполнительные действия, судебный коморник занимает независимую позицию в отношении участников исполнительного производства. Независимость судебного коморника выражается в возможности требования от участников процесса объяснений (ст. 761 ГПК РП), в возможности истребования информации от органов публичной администрации, финансовых отделов, банков и других учреждений, указанных в Законе о судебных коморниках и принудительном взыскании. Судебный коморник имеет возможность наказания денежным штрафом лица, которое в процессе исполнения судебного решения отказалось от дачи объяснений, информации или предоставило недостоверные сведения (ст. 762 § 1 ГПК РП). Судебный коморник на основании ст. 764 ГПК РП вправе наказать денежным штрафом субъекта, связанного с исполнением судебного решения косвенно (например, при обращении взыскания на имущество должника в квартире присутствует родственник должника, который своими действиями либо высказываниями мешает работе судебного коморника. В таком случае коморник имеет право после предупреждения

удалить данное лицо с места проведения исполнения, а если оно не подчинится- то наложить на него штраф в размере до 200 злотых).

Также существует перечень властных полномочий судебного коморника, касающийся непосредственно личной свободы должника. Это такие права, которые тесно связаны с деятельностью органа принудительного исполнения как аппарата принуждения, их перечень охватывает в т.ч. возможность открытия квартиры и других помещений, занимаемых должником, когда это требуется для проведения принудительного взыскания (ст.814 § 1 ГПК РП), в определённых ситуациях разрешается личный обыск должника (ст. 814 § 1 ГПК РП). Такие же действия судебный коморник может осуществить и в отношении третьих лиц (например, членов семьи должника) если судебный коморник в ходе исполнения заметит, что должник передал арестованную вещь третьему лицу для сохранения (ст. 814 § 2 ГПК).

Удачным представляется придание судебным коморникам статуса представителя власти и должностного лица. Действуя под надзором суда судебный коморник наделен достаточно широкими полномочиями и, одновременно, защищен государством от посягательств на безопасность и свободу его деятельности.

Поскольку основным принципом деятельности судебных коморников является их самокупаемость, это позволило в значительной степени уменьшить затраты государства на содержание структур, осуществляющих принудительное исполнение судебных постановлений. Применявшаяся ранее и сохранившаяся в настоящее время система поощрения судебных исполнителей в странах СНГ малоэффективна, т.к. она обычно не превышает пяти-семи процентов от принудительно взысканной суммы, и практически не доходит непосредственно до судебных исполнителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kodeks postępowania cywilnego.(2002)Komentarz, red.K. Piasecki, wyd.3 t.2, Warszawa, 2002.
2. Ciepła H.,Skibinska-Adamowicz J.(2006)Status prawny komornika i podstawy jego odpowiedzialności odszkodowawczej po uchyleniu art.769 k.p.c.//Przegląd prawa egzekucyjnego, № 4-6, s.5-22
3. Swieczkowski J. (2006) Wadliwe regulacje prawne jako przyczyna niskiej sprawności sądowego postępowania egzekucyjnego (wubrane przykłady) .//Przegląd prawa egzekucyjnego, № 12, s.109-125

Упрощение гражданского судопроизводства: что может дать инструментарий law and economics

Крымский Даниил Игоревич

студент

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики, Москва, Россия

E-mail: krimsky@bk.ru

В последние годы за рубежом получил широкое распространение экономический анализ права (law and economics). Рассмотрение правовых явлений и механизмов с точки зрения экономических стимулов, соотношения издержек и выгод позволяет обосновать необходимость существования тех или иных правил, оценить перспективы реформирования и дальнейшего изменения правовых норм с учетом правильного отражения мотивации и формирование желаемого поведения субъектов. В России на настоящий момент подобные исследования только развиваются.

Инструментарий law and economics может быть достаточно широко применен как для анализа отдельных положений законов, правовых принципов, так и отраслей законодательства в целом. Весьма успешно экономико-правовой анализ может быть использован в компаративистских исследованиях.

В начале 90-х гг. иностранные авторы более внимательно обратились к гражданскому процессу как объекту исследований в law and economics (хотя первые работы по этой тематике появились еще в 70-е гг.). Один из вопросов в рамках данного направления исследований – это соотношение стоимости судопроизводства («издержки судопроизводства») и издержек возможных ошибок. Чем сильнее процедура рассмотрения споров становится упрощенной, поверхностной, тем больше становится и вероятность ошибок в применении права и установлении фактических обстоятельств дела. В то же время опасна и другая крайность, когда все доказательства будут исследоваться, все свидетели будут выслушиваться и т.п. – значительно возрастут общие издержки судопроизводства, а результат будет хотя и корректным, но все же не оправдывающим столь значительные затраты. В целом данная зависимость была подмечена еще А.Х. Гольмстеном, по справедливому замечанию которого, гражданский процесс должен удовлетворять двум основным требованиям – быстрой и основательности его исследования.

С точки зрения экономики, эффективный результат – это тот, при котором достигается минимизация суммарных издержек – издержек ошибочного результата и затрат на применимые судебные процедуры. С этих позиций – позиций нахождения оптимального баланса – и следует оценивать системы гражданского судопроизводства различных стран.

Отмечают, что именно чрезвычайная упрощенность с одновременной формальностью гражданского процесса, характерные для Франции (преобладание письменных доказательств, отсутствие присяжных, ограничением на устные свидетельские показания, сокращении инициативы суда) означает дешевизну судопроизводства, но порождает не только фактические ошибки, но и более негативные явления – злоупотребления правами при обращении в суд, ведет к необоснованным искам.

Напротив, американская система, большее внимание уделяет исследованию доказательств, представленных сторонами, исследованию максимального количества фактов. Такие правила снижают вероятность ошибки, однако существенно повышают «стоимость правосудия».

Отечественное приказное производство (гл. 11 ГПК РФ) также можно рассматривать с точки зрения стимулов, издержек и выгод для субъектов, вовлеченных в процесс. Несмотря на существование в странах континентальной правовой системы процедур, аналогичных приказному производству (ФРГ – das Mahnverfahren, Франция – la procédure d'injonction), отечественное регулирование исходит из обособления приказного производства в отдельную, самостоятельную процедуру, в то время как в указанных странах она предполагается как несостязательная процедура, предшествующая основному разбирательству, т.е. рассматривается как элемент стадийности гражданского процесса. Этот посыл важен с точки зрения стимулов к инициированию упрощенной процедуры взыскателем. Действительно, заявитель может оценивать свои издержки по-разному в случаях, если упрощенное производство лишь стадия «большого» процесса, либо самодостаточный механизм. Очевидно, что его инвестиции и склонность к ним будут различны. Эта оценка влияет на стимулирование или дестимулирование заявителя к заведомо необоснованным искам. В случае, если

издержки оценены неверно (занижены), то и стимулы могут искажаться – а негативный результат при этом весьма предсказуем.

Повсеместно отмечается, что упрощенные процедуры используются зачастую недобросовестными кредиторами против «неискушенных» должников. Приказное производство применимо в тех случаях, когда ответчик не может противопоставить истцу достаточных возражений, и единственным средством, которое может заставить ответчика исполнить обязательство, является наличие судебного решения против него.

Вообще же для взыскателя при упрощенных процедурах издержки значительно сокращаются – процедуры настолько просты (в приказном производстве – достаточно принести необходимые документы), что участие представителя по сути не требуется (таким образом исключается известная в экономике так называемая «проблема принципала-агента»). Собственно финансовые издержки – государственная пошлина – также незначительны (в приказном производстве – 50% от пошлины, которую заявитель бы уплатил при подаче иска). Наконец, устранены издержки получения исполнительных документов, поскольку таковым является сам судебный приказ.

Для должника, напротив, издержки значительны. Так, он не информируется о начатом против него процессе, а информируется *post factum*. Получая копию приказа, зачастую должник не представляет те пути, которыми можно воспользоваться в противовес требованиям кредитора (напомним, что при пропуске по неважным причинам срока на возражения, приказ может быть обжалован только в надзорном порядке, а возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам приказов не урегулирована в ГПК РФ). С другой стороны, приказ подлежит отмене при поступлении любых возражений от должника, что позволяет должнику зачастую безосновательно блокировать ход процесса, т.е. облегчает совершение отдельных злоупотреблений правом (А.В. Юдин).

Что касается издержек третьего субъекта – суда – то на лицо их существенная минимизация: отсутствие «полной» проверки заявленных требований (без судебного разбирательства и вызова сторон для заслушивания их объяснений, согласно ч. 2 ст. 126 ГПК РФ). Фактически отсутствует требование мотивированности (характерное для «обычных» решений суда) к судебному приказу (аналогично решен вопрос и во Франции).

Основной вывод, который может быть сделан с позиций экономико-правового анализа, – это необходимость учета поведенческих стимулов при правовой регламентации упрощенных процедур. Указанные стимулы основываются на оценке субъектом издержек и выгод. Неправильное конструирование правовых норм может лишь создавать стимулы к негативному использованию упрощенных процедур, т.е. способствовать злоупотреблению правом на обращение в суд и вести к необоснованным искам.

Литература:

1. Droit et pratique de la procedure civile. Sous la direction de Serge Guinchard. Dalloz action 2001/2002. Dalloz, 2000.
2. Daniel Soulez Larivière. Overview of the Problems of French Civil Procedure. *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 45, No. 4, pp. 737-746.
3. Geoffrey P. Miller. The Legal-Economic Analysis of Comparative Civil Procedure. *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 45, No. 4, pp. 905-918.

4. Грибанов Ю. Немецкая модель организации приказного производства // Право и экономика, 2006, № 10. С. 117-118

Некоторые вопросы гармонизации российских и международных механизмов защиты прав человека в сфере осуществления правосудия (реализация права на судебную информацию)

Кузьмина Мария Алексеевна

аспирант

Российская академия правосудия, Москва, Россия

E-mail: makuzmina@mail.ru

На сегодняшний день можно констатировать, что идея прозрачности, открытости или транспарентности правосудия является сегодня общепризнанной. Несмотря на это проблема обеспечения эффективной реализации данного принципа на практике во многом остается нерешенной, вызывая в адрес правосудия немало упреков, касающихся ее информационной закрытости и недоступности.

При этом необходимо особое внимание обратить на проблему гармонизации норм международного права и норм российского права, поскольку результаты судебной реформы, проходящей в течение последнего десятилетия, только в некоторых аспектах реально достигли поставленных целей, а механизмы защиты прав человека на сегодняшний день, к сожалению, являются не столь эффективными. Судостроительство и судопроизводство нашей страны в аспекте открытости правосудия и позитивного взаимодействия судебной власти и общества требует дальнейшего совершенствования с учетом международно-правовых стандартов и, в частности, стандартов Европейского Суда по правам человека. В настоящее время в проблемное поле реализации можно отнести следующие вопросы:

1) отсутствие эффективной системы доступа к открытой судебной информации (недостаточное использование потенциально эффективнейшего интернет-портала Верховного Суда РФ, отсутствие публикаций в СМИ и, в частности, в Сети решений судов, вызывающих наибольший интерес со стороны общества);

2) правовая неурегулированность оснований и форм доступа к открытой судебной информации;

3) отсутствие четких правил и критериев участия прессы в судебных заседаниях (обеспечение технических условий - аккредитации);

4) нехватка юридических знаний у некоторой части журналистов, незнание судебной специфики, правил доступа к информации;

5) отсутствие реального сотрудничества средств массовой информации и пресслужб судов общей юрисдикции.

Пути решения проблемы. Согласно изложенным в докладе Всемирного банка «Судебная система в странах с переходной экономикой: оценка прошлого и взгляд в будущее» результатам исследования Россия заняла предпоследнее место (25-е) по вопросу восприятия судов как честных [4].

Приведение в соответствие национальных механизмов защиты прав в сфере правосудия прежде всего необходимо в целях обеспечения судебной системой стабилизирующей функции, создающей уверенность в справедливости и надежности законов, объективности и предсказуемости правосудия. Это связано с тем, что деятельность судебной системы должна вносить определенность в правовые отношения, в результате чего должны разрешаться споры и конфликты, восстанавливаться и защищаться нарушенные и оспариваемые права.

В проблемное поле исследуемого вопроса входит отсутствие эффективной системы доступа к открытой судебной информации, прежде всего отсутствие

публикаций судебных решений в СМИ и, в частности, в сети Интернет решений судов, вызывающих наибольший интерес со стороны общества.

Одной из приоритетных задач нового российского государства является формирование демократических институтов, что предполагает, в числе прочего, и обеспечение прозрачности судебной системы для общества. В этой связи на прессу, как единственный, по сути, публичный механизм распространения информации в стране, накладывается серьезная гражданская ответственность по донесению достоверной и объективной информации о работе судебной системы до общества. Представляется, что по таким вопросам было бы правильно перенять принципы действия механизмов защиты права на доступ к правосудию, к судебной информации.

Например, в настоящее время в Германии ограничения допуска к судебной информации носят добровольный характер, они установлены самими журналистами в Кодексе прессы. Европейский Суд по правам человека в своей практике также активно защищает право на судебную информацию и поддерживает идею открытости и прозрачности правосудия. Так, дело «Санди Таймс» против Великобритании (1979 г.) стало обязательным для применения практически во всех европейских странах. По данному делу Европейский Суд заявил, что «общественность в целом имела право на получение информации по этому делу, даже если факты и проблемы были предметом судебного рассмотрения». Суд также заметил, что сама «функция газеты состоит в том, чтобы публиковать информацию и идеи по вопросам, представляющим общественный интерес. Из этого следует, что Комиссия и суд должны тщательно устанавливать равновесие между заинтересованностью государства в ограничении получения информации публикой».

Следует также заметить, что специфика судебной власти требует обязательного детального установления в законодательстве случаев и порядка ограничения судом действия принципа гласности. Главным образом это связано со сведениями, касающимися государственной тайны, тайны усыновления (удочерения) ребенка, персональных данных человека, иных сведений конфиденциального характера, а также при иных сведениях, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела или повлечь за собой нарушение публичных или частных интересов. Однако ни на законодательном уровне, ни на уровне судебной практики на сегодняшний день четко не урегулированы вопросы определения пределов обоснованности судейского усмотрения при вынесении определения о рассмотрении конкретного дела в закрытом судебном заседании. Проблему единообразного понимания указанных оценочных понятий могут помочь разрешить соответствующие обобщения обширного массива судебной практики по данному вопросу, складывающейся в течение длительного времени, осуществленные высшими российскими судами с учетом общепризнанных норм и принципов международного права.

Выводы. На основании изложенного, можно выделить следующие направления разрешения проблемы, связанной с реализацией права на судебную информацию:

- изучение международных и иностранных стандартов защиты права на судебную информацию;
- приведение с ними в соответствие российского законодательства;
- введение ответственности именно за умаление права на судебную информацию;
- подготовка журналистов по специальности «судебный репортер» с последующей стажировкой в судебной системе, а также за рубежом в целях изучения иностранного опыта в данной сфере;
- активизация сотрудничества СМИ и пресс-служб судов;
- обобщение судебной практики на федеральном и региональном уровне в целях единообразия и эффективной защиты прав в сфере правосудия.

Использованная литература:

1. Безуглов, А.А. Гласность работы Советов / А.А. Безуглов, В.А. Кряжков. - М., 1988. - С 6.
2. Туманова, Л. В. Проблемы транспарентности гражданского судопроизводства / Проблемы транспарентности правосудия. – М., 2005.
3. <http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/52n>; <http://www.hro.org/court/2005/06/21.php>

Проблемы защиты прав добросовестного приобретателя и способы их решения

Салахова Наталия Сергеевна

студент

Уфимский юридический институт МВД РФ, г. Уфа, Россия

E-mail: marchrose@yandex.ru

За годы, прошедшие после принятия части первой Гражданского кодекса РФ, проблема защиты добросовестного приобретателя вещи у неуправомоченного отчуждателя стала одной из наиболее острых в отечественном гражданском праве.

Исследование проблемы защиты прав собственника и интересов добросовестного приобретателя, который возмездно получил имущество от неуправомоченного лица, имеет важное практическое значение, поскольку рассматриваемая ситуация достаточно распространена.

Если говорить об актуальности проблемы, нельзя не отметить, что в последнее время увеличилось количество гражданских дел о спорах о праве собственности на жилые помещения. На территории Башкортостана, а также в других субъектах РФ в различные периоды были зарегистрированы факты двойных продаж квартир, заключения договоров инвестирования и соинвестирования строительства новостроек одновременно с разными инвесторами и соинвесторами. В связи с этим участились обращения граждан о признании договоров купли-продажи квартир недействительными, об истребовании их из чужого незаконного владения и о выселении.

Добросовестный приобретатель, защищенный в силу ст. 302 ГК РФ от виндикационных притязаний, нередко оказывался беззащитным перед иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки», то есть реституции (п. 2 ст. 167 ГК РФ). И хотя механизм реституции обеспечивал и обеспечивает возврат неправомерно отчужденной вещи не ее первоначальному владельцу, а другой стороне недействительной сделки, требовать его применения согласно п. 2 ст. 166 ГК РФ вправе любое заинтересованное лицо. При этом предмет иска может быть сформулирован таким образом, что в результате нескольких реституций (а иногда и целой их цепочки) либо сочетания реституции с иными гражданско-правовыми средствами (например, с виндикацией или договорным требованием) вещь, в конечном счете возвращается истцу. Именно такая схема практиковалась до последнего времени в судах общей юрисдикции, что особенно болезненно сказывалось на обороте недвижимого имущества.

В случаях, когда имущественные права на спорную вещь, возникшие на предусмотренных законом основаниях, имеют другие, помимо собственника, лица — владельцы и пользователи вещи, этим лицам также должна быть гарантирована государственная защита их прав. Законодательно должны быть предусмотрены такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям как участникам гражданского оборота.

В противном случае для широкого круга добросовестных приобретателей, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность, будет существовать риск неправомерной утраты имущества, которое может быть истребовано у них в порядке реституции. Подобная незащищенность вступает в противоречие с конституционными принципами свободы экономической

деятельности и свободы договоров, дестабилизирует гражданский оборот, подрывает доверие его участников друг к другу.

В заключении сделаем некоторые выводы. Проблема защиты прав добросовестного приобретателя на сегодняшний день стоит достаточно остро. В условиях переходной экономики, несовершенного законодательства и высокой степени криминализации общества актуальность данной проблемы не вызывает сомнения. В нашей статье, мы постарались рассмотреть и предложить решения проблем, касающихся защиты прав добросовестного приобретателя. Одной из проблем является пробел в законодательстве касательно движимых вещей, который приводит к тому, что за добросовестным приобретателем зачастую не признается право собственности на приобретенную вещь, которая в силу ст. 302 ГК не может быть у него истребована, при этом считается, что такой приобретатель становится собственником лишь по давности владения. Многочисленные споры также вызывают вопросы: сохраняет ли юридическую силу регистрация, произведенная до принятия судом решения? Можно ли рассматривать решение суда в качестве основания регистрации права собственности? Как защитить добросовестного приобретателя от истребования имущества собственником? Данные вопросы должны быть регламентированы законодателем, можно констатировать, что назрела необходимость внесения изменений в законодательство. Исследовав опыт зарубежных стран, российскую судебную практику и обратившись ко взглядам на проблему современных цивилистов, в нашей статье мы пришли к выводу, что для решения проблемы защиты прав добросовестного приобретателя необходим комплекс мер: необходимо разработать правовой механизм признания прав добросовестного приобретателя; внести в законодательство нормы о публичной достоверности реестра прав на недвижимое имущество; усилить ответственность государственных регистрирующих органов за ошибочные действия при регистрации прав на недвижимое имущество; выработать четкую систему компенсаций за утрату права собственности; запретить заключение договоров инвестиционного строительства, которые очень часто становятся предметом мошенничества, когда люди безвозвратно теряют свои квартиры и деньги. И, наконец, самым важным является решение проблемы правового нигилизма граждан, которые зачастую не проявляют нужную осмотрительность и юридическую грамотность при заключении сделок, не прибегают к помощи риэлторов и нотариусов, которые осуществляют юридическую проверку сделок, проверяют принадлежность отчуждаемого имущества продавцу. Ведь обращение к нотариусу дает гарантии удостоверения бесспорных гражданских прав и фактов в целях обеспечения защиты и законных интересов обратившихся лиц и организаций. Итак, проблем в сфере защиты прав добросовестных приобретателей много, но решить их на законодательном уровне в современных условиях необходимо. В последние годы законодатель предпринял попытки разрешить эти проблемы, но принятые правовые акты, поправки и изменения оказались недостаточными и ответы на многие вопросы законодателю еще предстоит дать.

Литература

1. Тузов Д.О. (2007) Продажа чужой вещи и проблема защиты добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. Вестник ВАС, №1.
2. Кузина С. (2006) Проблема защиты интересов добросовестного приобретателя. Хозяйство и право, №8.
3. Богатырев Ф.О. (2004) Публичная достоверность реестра прав на недвижимость и признание добросовестного приобретателя собственником. Законодательство, №4.
4. Тузов Д.О. (2007) Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут.

5. Линеv А.Н. (2006) Защита прав добросовестных приобретателей в совершаемых ими сделках. Вестник Московского университета МВД РФ, №2.
-

Заочное производство при предъявлении встречного иска

Навроцкая Юлия Вячеславовна

ассистент кафедры гражданского права и процесса

Львовский государственный университет имени Ивана Франко,

г. Львов, Украина

E-mail: unavr@yahoo.com

Предъявление встречного иска в связи с анализом заочного производства заслуживает особенного внимания, так как неявка одной либо другой стороны является неявкой истца по одному из исков и одновременно неявкой ответчика по другому иску. Однако гражданское процессуальное законодательство никоим образом не определяет последствия такой неявки, а поэтому под вопросом остается возможность совместного рассмотрения первоначального и встречного исков в заочном порядке и квалификация принятого при этом решения. В доктрине же этот вопрос решается довольно противоречиво и неоднозначно.

В случае предъявления ответчиком встречного иска до либо во время предварительного судебного заседания (а именно так определены ГПК Украины сроки реализации этого права) и последующей неявки ответчика без уважительных причин в судебное заседание, по общим правилам при наличии согласия истца суд должен приступать к заочному разбирательству первоначального иска. Если учесть, что встречный иск имеет полностью самостоятельную правовую природу, то судьба его остается спорной. Ведь согласно последствиям неявки в судебное заседание лиц, участвующих в деле, суд должен отложить разбирательство дела в случае первой неявки истца (он же – ответчик по первоначальному иску) без уважительных причин. При буквальном толковании положений процессуального закона такими же представляются и последствия неявки первоначального истца и явки ответчика, который одновременно выступает истцом по встречному иску.

Несмотря на то, что встречный иск признается самостоятельным требованием ответчика к истцу, законодательство, вместе с тем, требует обязательности принятия общего решения по встречным и первоначальным исковым требованиям. Принятие встречного иска обуславливается целесообразностью его совместного рассмотрения с первоначальным. Поэтому вряд ли рационально одни требования рассматривать и принимать по ним заочное решение, а другие - откладывать. В будущем это может привести к принятию противоречивых решений по одному делу.

Исходя из этого, считаю недопустимым буквальное толкование последствий неявки в судебное заседание участников процесса в зависимости от тех процессуальных ролей, которые они занимают в связи с предъявлением встречного иска.

По моему мнению, в данном вопросе следует исходить из приоритетности первоначальных исковых требований. Такая позиция базируется на действии принципа диспозитивности в гражданском судопроизводстве, ведь именно истец инициирует процесс по делу, несет основное бремя судебных издержек; рассмотрение же встречного иска должно зависеть от разрешения первоначального. Соответственно, во внимание должны приниматься, прежде всего, последствия неявки сторон относительно их процессуальной роли в первоначальном иске. Таким образом, считаю целесообразным в случае неявки первоначального ответчика при наличии согласия истца рассматривать совместно первоначальный и встречный иск, принимать одно решение, которое должно считаться заочным согласно общим правилам (а не отдельно по первоначальному и встречному иску).

На данное время и судебная практика идет именно таким путем. Суды, рассматривая совместно первоначальный и встречный иск в заочном порядке, принимают заочное решение в полном объеме.

По поводу вариантов рассмотрения первоначального и встречного исков в случае неявки первоначального истца в литературе высказывались различные мнения. Так, И.И. Черных предлагала, оставляя первоначальный иск без рассмотрения, допустить исключительную возможность рассмотрения встречного иска самостоятельно, без совместного рассмотрения его с первоначальными требованиями, и принятия заочного решения, если первоначальный истец отсутствует. Мотивирует она свою позицию тем, что это дало бы истцу возможность не утратить право на рассмотрение его искового требования, а факты, установленные судом при рассмотрении встречного иска могли бы рассматриваться как преюдициальные. Д.Д. Луспеник допускает в таком случае возможность принятия заочного решения в полном объеме. Такое же мнение высказано И.В. Уткиной.

Изложенные позиции представляются неправильными, исходя из следующих соображений. Во-первых, обязательным условием заочного производства является согласие истца на рассмотрение дела в таком порядке. При предъявлении встречного иска стороны не приобретают двойственной правосубъектности, замена процессуальных ролей по искам происходит лишь условно, первоначальный истец остается истцом по делу, а поэтому обязательным является наличие именно его согласия на заочного производства. Во-вторых, неизбежны проблемы при пересмотре и обжаловании такого решения. Ведь в законодательстве Украины не прописана другая процедура пересмотра заочного решения, как упрощенный порядок для ответчика и общий для истца. Предложения относительно частичного обжалования такого заочного решения (в зависимости от того, какая часть для каждой стороны процесса считается заочной) представляются необоснованными из-за того, что обжалование заочного решения частями в принципе невозможно. И, в-третьих, согласно действующему законодательству дело может быть рассмотрено в порядке заочного производства в случае неявки ответчика, но никак не в случае неявки истца.

В случае неявки первоначального истца считаю целесообразным применять общие последствия неявки истца в судебное заседание – откладывать рассмотрение дела (как первоначального, так и встречного иска) в случае первой неявки без уважительных причин истца либо оставлять заявление без рассмотрения – в случае повторной неявки истца. Определение об оставлении заявления без рассмотрения является одной из форм окончания судебного разбирательства без принятия решения суда, которое тянет прекращение производства по делу в целом, а поэтому отдельное рассмотрение встречного иска при этом представляется невозможным. В таком случае суд должен разъяснить ответчику его право обратиться с иском в общем порядке.

Таким образом, если в деле предъявлен встречный иск, заочное производство возможно лишь в случае неявки в судебное заседание без уважительных причин ответчика; при этом принимается единое решение по первоначальным и встречным исковым требованиям, которое считается заочным в полном объеме. В случае неявки первоначального истца, который выступает ответчиком по встречному иску, заочное рассмотрение дела невозможно.

Литература:

1. Луспеник Д.Д. Заочне рішення: його цілі, процедура, проблеми та шляхи їх вирішення // Право України. - 2004. - №5
2. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. - СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005

3. Уткина И.В. Институт заочного решения в гражданском процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М.1997
4. Черных И.И. Заочное производство в гражданском процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1998

**Защита законных интересов субъектов семейных правоотношений
в гражданском процессе**

Подкорытова Ольга Владимировна

аспирант

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика

E-mail: olya_vp@rambler.ru

Категория законного интереса выступает объектом изучения в различных отраслях правовой науки. Этой категории уделялось пристальное внимание ученых в области теории права, гражданского права, семейного права, а также гражданского процессуального права. В каждом случае законный интерес приобретал особую значимость.

Законный интерес становился предметом научного познания, как правило, с точки зрения его соотношения с субъективным правом.

Наука гражданского процессуального права располагает определенными разработками, на основе которых установилась более или менее четкая позиция, что «законный интерес» и «субъективное право» должны рассматриваться как самостоятельные правовые категории.

Отличительная особенность законного интереса в соотношении с субъективным правом заключается в том, что отсутствие четких правовых границ является основанием возникновения противостояния юридически равнозначных законных интересов, что, собственно, исключено относительно субъективных прав.

Для некоторых отношений, урегулированных нормами семейного права, характерно то, что участники в нем занимают равное положение. При этом закон наделяет участников правоотношений абсолютно одинаковыми правами. Это имеет место, например, в отношениях, складывающихся между супругами: все вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, на основе принципа равенства супругов. Так, при разделе совместно нажитого имущества, каждый из супругов по общему правилу имеет право на получение доли, равной доли имущества, присужденного другому супругу. Однако законом не предусматривается порядок определения видов имущества, которые в будущем могут быть присуждены каждому из супругов. В такой ситуации категория «законный интерес» приобретает особое значение в правоприменительной деятельности суда. Именно законный интерес будет выступать критерием разрешения этого вопроса. Суд при разделе совместно нажитого имущества учитывает интересы супругов в получении того или иного имущества.

Защита законных интересов в порядке искового судопроизводства обусловлена тем, что законные интересы опосредствованы субъективными правами. Интерес в этом плане выступает как дополнительный ориентир для суда наряду с подлежащими применению нормами материального права при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из семейных правоотношений.

В юридической литературе выделяют также и законные интересы, не опосредствованные субъективными правами. Здесь имеются в виду случаи, когда законный интерес выступает в качестве самостоятельного объекта судебной защиты в порядке особого производства. Однако, несмотря на то, что законный интерес и выступает в качестве объекта судебной защиты независимо от наличия субъективного

права у заявителя, так или иначе законный интерес, будучи удовлетворенным, влечет за собой возникновение субъективного права, которое ранее отсутствовало у заявителя.

При всей своей значимости в производстве по делам семейно-правового характера категория «законного интереса» становится уязвимой в том смысле, что ее конечное определение устанавливается судом. Это, в свою очередь может привести к вынесению многообразных по содержанию решений по однородным категориям дел. Чаще всего такая проблема возникает, когда субъектом семейных правоотношений, а в последующем и субъектом гражданских процессуальных правоотношений, выступает несовершеннолетнее лицо. Именно его интересы предопределяют исход дела, например, при определении места жительства ребенка в случае раздельного проживания родителей или при рассмотрении вопроса о передаче ребенка родителям, чьи права были восстановлены, и др.

Роль гражданского процессуального права в системе права во многом определяется тем, что оно является необходимым элементом в регулировании общественных отношений в сфере осуществления правосудия по гражданским делам. При этом гражданские процессуальные нормы устанавливают не простой порядок рассмотрения гражданских дел, а такой порядок, который максимально позволит обеспечить реализацию права на защиту любыми заинтересованными лицами, в том числе и субъектами семейных правоотношений.

Законный интерес – достаточно частое явление в семейных правоотношениях. В связи с этим, вопрос о предоставлении судебной защиты не только семейных субъективных прав, но и законных интересов, остается на сегодняшний день актуальным и заслуживает внимания в плане научных исследований.

Библиография:

1. *Горшунев Д.Н.* Некоторые частноправовые аспекты соотношения категорий «субъективное право» и «законный интерес» // Актуальные проблемы гражданского права и процесса / Отв. ред. Д.Х. Валеев, М. Ю. Челышев. – М., 2006.
2. *Гукасян Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов, 1970.
3. *Ильина О.Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. – М., 2007.
4. *Малько А.В.* Субъективное право и законный интерес // Правоведение. – 1998, №4.
5. *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. – Л., 1968.

Принцип процессуальной активности суда в достижении истинности судебного решения в гражданском процессе

Смирнов Николай Наилевич¹

студент

Марийский государственный университет, юридический факультет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: nick_smirnov@rambler.ru

1. В доктрине гражданского процессуального права сложностью и актуальностью отличается вопрос относительно действия при осуществлении правосудия **принципа**

¹ Автор выражает благодарность доценту кафедры частного права России и зарубежных стран юридического факультета Марийского государственного университета, судье Верховного суда Республики Марий Эл Попову Г.В. за помощь в подготовке тезисов.

активной роли суда (процессуальной активности суда, судейского руководства) в достижении объективной истины по делу. Это также связано с **теорией презумпции истинности судебного решения** и изучением роли данного принципа при достижении конечной цели судебного процесса: защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

2. Принцип судейского руководства наиболее тесным образом связан со сферой **доказательственного права**, как исключительным институтом гражданского процесса, правильное и полное соблюдение норм которого предопределяет вынесение законного, обоснованного и мотивированного судебного акта. В этой связи принцип процессуальной активности суда раскрывается, как юридически обеспеченная возможность судебного органа при недостаточности представленных сторонами по делу доказательств собирать их по своей инициативе, собственными процессуальными действиями.

Исходя из анализа действующих норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации активная позиция сохранена за судом в случаях **необходимости обеспечения процессуальных прав лиц, участвующих в деле.** Практически во всех остальных случаях действия суда должны быть следствием активности лиц, участвующих в деле. Тем самым нашел свое отражение основополагающий принцип: нет ходатайства - нет действия суда. И, с другой стороны, ни одно ходатайство не может остаться без последствий. Суд обязан немедленно так или иначе отреагировать (не обязательно удовлетворить) на каждое заявленное ходатайство[4, С. 82-83].

3. Постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу должно отражать установленную органом правосудия по каждому делу объективную истину, будучи обоснованным и убедительным. Исключительно решения законные и обоснованные, полностью соответствующие объективной истине, соответствуют целям и задачам гражданского судопроизводства, способствуют укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду (ст. 2 ГПК РФ).

Между тем, как считает Г.А. Жилин, это не всегда достижимо, поскольку с помощью предусмотренных законом средств доказывания в условиях состязательного процесса устанавливаются прошедшие события, да еще в условиях заинтересованности участвующих в деле лиц в выгодном для них освещении этих событий. Как правило, предъявив в суде требование к ответчику, истец должен доказать и их фактические основания. При их недоказанности иск не будет удовлетворен, хотя в действительности указанные истцом факты и имели место [2, С. 5].

Действующее в настоящее время гражданское процессуальное законодательство допускает возможность оставления без изменения решения или определения, которое может не соответствовать фактическим обстоятельствам спорных правоотношений и требованиям закона[1, С. 2].

4. Как справедливо отмечает В.М. Жуйков, проблема объективной истины (и возникающий в связи с этим вопрос оценки роли суда в выяснении обстоятельств дела) представляется исключительно важной, поскольку связана с поиском разумного баланса между указанными принципами, а этот баланс, в свою очередь, во многом определяет, насколько будет эффективным правосудие и реальным доступ к нему, будет ли гражданское судопроизводство таким, в котором заинтересованные лица смогут найти защиту своих прав, свобод и законных интересов, или оно превратится в пустую формальность[3, С. 151].

Н.А. Чечина полагала, что при рассмотрении любого гражданского дела, естественно, может быть выяснена только одна объективная истина. Исходя из того, что

не может быть двух истин в одном правоотношении, закон устанавливает порядок, по которому решение по делу приобретает силу, равную силе закона для конкретных правоотношений, то есть решение, вступившее в законную силу, не может быть ни изменено, ни отменено судом, его постановившим, а также вышестоящим судом в порядке обычного (кассационного) обжалования[5, С. 184].

Г.А. Жилин отмечает, что если в решении суда изложены имеющие для дела факты, которые подтверждены доказательствами, представленными сторонами с учетом распределения между ними обязанностей по доказыванию, решение суда будет считаться истинным, что не всегда будет означать, что факты установлены такими, какими они были в действительности. Следовательно, объективная истина в процессе не всегда достижима и существует лишь презумпция истинности решения, если соблюдены все предусмотренные законом правила об исследовании юридических фактов, имеющих значение для дела, и оценке представленных участвующими в деле лицами доказательств[2, С. 6].

7. По нашему мнению, установление объективной истины по конкретному делу предполагает выявление не столько всех фактических обстоятельств, связанных со спорным правоотношением, сколько **установление проверенных судом на основе доказательств, действительных обстоятельств, которые в соответствии с нормами материального права (предмет доказывания) достаточны для вынесения законного и обоснованного решения по делу. Таким образом, принцип процессуальной активности суда не исключается конкурирующими принципами состязательности и диспозитивности в гражданском процессе. Данному выводу, в частности, соответствует роль суда, независимого, объективного и беспристрастного государственного органа, осуществляющего руководство процессом.**

Литература

1. Алиэскеров М.А., Шпинев Ю.С. О принципах гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 6.
2. Жилин Г.А. О проблемах современного гражданского процесса // Закон. 2007. № 11.
3. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию – М.: Статут, 2006.
4. Кнышев В.П., Потапенко С.В., Горохов Б.А. // Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Практ. пособие / Под ред. В.М. Жуйкова. – М.: Юрайт-Издат, 2006.
5. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. Ун-та, 2004.

Правовые аспекты раскрытия информации, которая содержит банковскую тайну, относительно юридических и физических лиц в гражданском процессе Украины

Трохлюк А.П.

студент

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

E-mail: perchik007@gmail.com

Социально-экономические перевоплощения в Украине и связано с ними развитие рыночных отношений обусловило необходимость по обеспечению правовой защиты информации и, безусловно, прав и законных интересов участников правоотношений в сфере финансово-кредитной деятельности, безусловно, при исполнении банковских операций. В соотношении с действующим законодательством Украины, а именно З.У.”О

информации.” информация делится на открытую и с ограниченным доступом, а последняя в свою очередь на конфиденциальную и тайную. Тайная – это информация, что включает ведомости, которые становятся государственную или другую предвиденную законом тайну (банковскую, коммерческую, профессиональную, служебную), разглашение которой может принести вред лицу, обществу и государству. Разглашение информации, которая включает банковскую тайну, за решением суда происходит в порядке гражданского правосудия. Действующее гражданское процессуальное законодательство предусматривает дела о раскрытии информации, которая включает банковскую тайну, относительно юридических и физических лиц согласно правилам исключительного производства (п.11 ст. 234 ГПК). Чтобы обеспечить более надежную и эффективную защиту банковской тайны и, соответственно, защиту физических и юридических лиц, а также интересов государства, была установлена судебная процедура рассмотрения дел о раскрытии банком информации.

Наиболее сложным является вопрос о выяснении субъектов, которые имеют право обращаться в суд из заявлением о раскрытии банковской тайны. Связано это с тем, что ГПК не устанавливает перечень соответствующих лиц (а это видно по ст. 124 Конституции Украины и ст. 3 ГПК), где предусмотрено право каждого лица обращаться в суд за защитой своих нарушенных прав, свобод и интересов, которые вытекают с правоотношений, что произошли в государстве. На первый взгляд, дает основания о неограниченности субъектов обращения в суд с определенными требованиями. Но учитывая, что информация, которая местит банковской тайну, имеет режим информации с ограниченным доступом, а заявление о ее раскрытии соответственно со ст. 287 ГПК подается в суд в случаях, установленных законом, состав субъектов, наделен правом доступа к такой информации, в том числе и за решением суда, есть ограниченным. Соответственно из законодательством Украины требовать раскрытия банковской тайны в судебном порядке разрешается относительно конкретных физических и юридических лиц. Открытие производства в деле исполняется на основании правильно оформленного заявления (ст.119 ГПК Украины), поданного уполномоченным субъектом с додерживанием установленными субъектом правил подсудимости.

Дело рассматривается в закрытом судебном заседании с участием лица, которое подает заявление, а также лица по поводу которого требуется раскрыть банковскую тайну, и банка. В случаях, когда дело рассматривается с целью охраны государственных интересов и национальной безопасности – только с участием заявителя. Но рассмотрение дела в этом случаи только с участием заявителя перечит основным засадам, принципам гласности и открытости гражданского судопроизводства и нарушает права лиц, которые принимают участие в деле.

Необходимо обратить внимание на то, что обжалование принятого судом решения к апелляционному судом решения соответственно к ч. 3 ст. 290 ГПК, которая есть специальной нормой, дано лицу, по поводу которого банк раскрывает банковскую тайну, и заявителю. Банк к кругу субъектов, наделенных правом на обжалование решения, не отнесен. Лишение банка права на обжалование решение суда не имеет, на мой взгляд, правовых оснований. Думаю целесообразно будет внести некоторые изменения в ч.3 ст. 290 ГПК по которым банк будет наделен правом на обжалование судебного решения.

Литература

1. Андрушко Г. П. Актуальні питання цивільного процесуального права України// Право України. – 2006. - №8. – с. 43

2. Світлична Г.О. Розкриття інформації, що містить банківську таємницю// Вісник Верховного Суду України . – 2007. - № 11. – с. 25.
3. Цивільний процесуальний кодекс України

Гласность судебного разбирательства: понятие и проблемы реализации.

Федосова Ирина Григорьевна

студент

ВГУ, юридический факультет, Воронеж, Россия

purepoison@yandex.ru

Необходимость рассмотрения гласности судебного разбирательства обусловлена тем, что в подавляющем большинстве случаев открытость объясняется через призму закрытых судебных разбирательств, которым в работах авторов уделяется гораздо больше внимание.

Существуют два основных блока задач, которые ставит перед собой принцип открытого рассмотрения дел в суде. Во-первых, публичное отправление правосудия содействует ознакомлению общества с формами и способами разрешения процессов, внедряет в сознание слушателей начала права и тем формирует правосознание. Во-вторых, побуждает и самих судей, и сторон относиться к своим процессуальным обязанностям добросовестно, так как рассмотрение дела совершается под контролем общественного мнения.

Необходимо разобраться в многоаспектности понятия гласности.

В первую очередь, это открытость. Она также многогранна. Статья 10 ГПК говорит нам, по меньшей мере, о трех сторонах данной открытости.

В освещение такой задачи гласности, как общественный контроль, необходимо упомянуть, что ГПК 2002 года по сравнению с ГПК 1964 года значительно расширяет толкование гласности, добавляя возможность фиксации хода судебного разбирательства. Данное обогащение принципа имеет большое практическое распространение. Весьма широкую перспективу развития принципа гласности дают современные информационные системы Консультант+ и Гарант, а также ГАС «Правосудие».

Еще одним предложением в этой связи является создание сайтов судов и отражение на них работы суда Любой юрист, желающий получить информацию о деятельности конкретного судьи, может ознакомиться с его решениями.

Практика реализации гласности в нашей стране неутешительная. 20 июня 2007 года в рамках дела гражданина Загородникова против Российской Федерации то, что вход в здание суда ограничен, Евросуд счел нарушением права на справедливое и публичное судебное разбирательство, Действительно, вход в здание суда ограничен. С другой стороны, суд не может обеспечить гласность в силу объективных причин: недостаток залов судебного заседания, огромное количество споров ради споров, опасность терроризма. Учитывая эти особенности современного суда, стоит говорить о балансе интересов общества и государства. Зарубежные коллеги из Канады и США на конференции в Анапе в ноябре 2007 года предлагают отделить самих судей от народа. Тем самым, прием населения судьи осуществлять не будут, не будут подвержены давлению, исходящему от сторон, а также, получают больше времени именно на разрешение дела по существу.

1. Гражданский процесс. Учебник под ред. Треушникова. М.2006.
2. Комментарий к ГПК РФ под ред. Шакарян. М.2003.
3. Постатейный комментарий к ГПК РФ / под ред. П.В.Крашенинникова. Москва. 2005.
4. Комментарий к ГПК РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Жилина. Москва. 2006.
5. Комментарий к ГПК РФ под ред. Шакарян. М.2003.

6. Толковый словарь. Ожегов и Шведова. М.2001/
7. «Об эксплуатации государственное автоматизированной системы РФ «Правосудие». Приказ судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16.02.2007 №20
8. Бюллетень Европейского Суда по правам человека №7 2007 года.
9. Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод 1950 года.
10. Российско-канадско-американская конференция «Проблемы совершенствования судебной системы и судебного администрирования. Москва-Анапа 17-25 ноября 2007 года» // Москва. Ассоциация содействия правосудию. 2007 год.. Том 3. «Организация деятельности администраторов судов»

**Проблемы разграничения понятий «юрисдикция»,
«подведомственность» и «компетенция»**

Ференц Ольга Игоревна

аспирант

Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Львов, Украина

E-mail: oliiaferents@yandex.ru

Определение понятий и смысла правовых категорий «подведомственности», «компетенции» и «юрисдикции» является актуальным вопросом как в отечественной, так и в зарубежной процессуальной литературе. Теоретическое и законодательственное изучение этих институтов обеспечивает эффективное функционирование системы государственных органов, надлежащее и своевременное обеспечение прав граждан и юридических лиц. В юридической литературе не всегда различают эти понятия, что часто приводит к своего рода нивелированию смысла последних, к определению одних понятий с помощью других, что негативно влияет как на становление законодательства в целом, так и на использование этой терминологии в правоприменительной деятельности.

Подведомственность в общем определяется как определенный круг вопросов, относящихся законодательством к компетенции тех или иных органов государства либо гражданских организаций; как возможность граждан и юридических лиц обратиться за обеспечением своих прав и интересов в той или иной государственный орган, обладающий полномочиями по рассмотрению и разрешению юридических дел.

В теории гражданского процессуального права подведомственность рассматривается в двух значениях: широком и узком. В первом значении подведомственность является механизмом, который обеспечивает нормальную деятельность государства через распределение её функций между разными органами, и определяется как относимость какого-либо объекта или определённого круга объектов к ведению тех или иных органов государства, должностных лиц или гражданских организаций соответственно выполняемыми ими функциями.

Косаясь узкого понимания, можно выделить достаточно много позиций, которые были сформулированные по отношению к трактовке подведомственности. Согласно позиции Г.А. Жилина, подведомственность дела суду приравнивается к правоспособности последнего на рассмотрение и разрешение определённых гражданских дел. Однако такое отождествление правоспособности суда и подведомственности кажется неоправданным, так как правоспособностью обладают лица, которые участвуют в деле, а не суд. Права суда – совсем не субъективные права, какими он может распорядиться на своё усмотрение. Специфика этих прав в том, что они одновременно являются и обязанностями суда на рассмотрение тех или иных вопросов, отнесённых к его ведению.

Нелогическим также является определение подведомственности с помощью компетенции. Последняя является понятием широким, так как, согласно позиции Дружкова П. С., государственные органы «вместе с рассмотрением споров о право или

иных правовых вопросов разрешают также иные вопросы, что входят в их компетенцию (так, суд может приобретать канцелярские принадлежности и др.)». С целью розграничения этих понятий предполагалось выделять в рамках компетенции предметную компетенцию, которая касается круга подведомственных суду дел и может быть определена как совокупность полномочий с разрешения споров о праве и иных дел, которые касаются прав и обеспечиваемых законом интересов граждан и организаций. Однако в такой трактовке также есть изъяны, так как предметная компетенция охватывает отношение к объему полномочий, которые свойственны определённому органу, а традиционная трактовка понятия подведомственности делает ударение как раз на круге вопросов, разрешение которых может быть предметом осуществления определённым органом своих полномочий. То есть, если предметная компетенция характеризует связь между полномочиями и его объектом со стороны субъекта полномочий (определённого органа), то подведомственность характеризует эту связь со стороны их объекта.

Наиболее оправданной является позиция, согласно которой подведомственность нужно определять с помощью тех объектов, которые могут быть предметом исполнения каким либо органом своих полномочий. Определение подведомственности только с помощью особенностей самых дел, которые подлежат рассмотрению тем или иным органом, слишком узкое, так как особенности являются только внешней оболочкой определённого качества, и такая трактовка приводит к нивелированию места самого органа, уполномоченного на разрешение того или иного дела, так как чтобы реализовать своё обязательство по определению предметов ведения разных органов, подведомственность должна учитывать не только материально-правовые характеристики дела, но и качества и предназначение самого органа.

Справедливо можно говорить о подведомственности органа и подведомственности дела, так как простое определение круга дел не даёт полного ответа о поводах выбора определённого органа для его рассмотрения, а поэтому, для правильного понимания понятия подведомственности необходимо рассматривать его на двух уровнях – правотворческому и правоприменительному. На правотворческом уровне подведомственность даёт понятие о круге юридических дел, по отношению к которым определённый орган будет осуществлять свои полномочия, а на правоприменительном уровне подведомственность выступает свойством самого дела, в силу которого оно подлежит разрешению определённым органом. Определить подведомственность органа, таким образом, подразумевает определение того, какие определённые споры могут быть разрешены данным судом, а определить подведомственность дела, в свою очередь, означает определить, в каком из судов в зависимости от тех или иных качеств дела должен рассматриваться данный спор.

Согласно ст. 124 Конституции Украины юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, которые возникают в стране. В общей теории юрисдикцию (от лат. *jurisdictio* - судопроизводство) определяют как компетенцию давать правовую оценку фактам, разрешать правовые вопросы, споры о праве. Сегодня существует достаточно много определений этого института. Во первых, он понимается как полномочие на осуществление деятельности с властного разрешения компетентными органами разных вопросов, которые возникают в сфере применения права. Во вторых, под юрисдикцией понимают тот круг вопросов, на которые распространяются юрисдикционные полномочия тех или иных органов. И, во третьих, это деятельность всех правоприменительных органов по рассмотрению и разрешению гражданских, уголовных и административных дел. Однако, если сузить понятие юрисдикции только к праву органа на рассмотрение юридических дел, она будет фигурировать только как часть компетенции этого органа, что приведёт к штучному сужению её смысла, также как и её трактовка как круга материально-правовых и процессуально-правовых вопросов, по

отношению к которым определённый орган может осуществлять правоприменительную функцию. Наиболее правильной кажется позиция, выдвинута своего времени И. Г. Побирченком, согласно которой понятие юрисдикции определено совокупностью двух сопоставляемых понятий: подведомственности дел (как «подлежать юрисдикции») и компетенции органа по разрешению споров (как «обладать юрисдикцией»).

Что касается понятия компетенции (от лат. *competentia* – согласованность), то за общим правилом её понимают как совокупность полномочий (прав и обязательств) государственного, гражданского органа либо должностных лиц, которые определяются Конституцией Украины, законами и иными нормативными актами. По отношению к судебному органу, такое полномочие не является субъективным правом, а подразумевает обязательные действия, которые суд должен реализовать сразу, как только возникнет такая необходимость.

Литература:

1. Дружков П. С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства. Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1966. – С.3.
2. Нуязин А. Н. Юрисдикция конституционного суда Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – Казань, 2004. – 30 с.
3. Побирченко И. Г. Подведомственность хозяйственных споров. – Киев, 1969. – С. 21.
4. Жилин Г. А. Условия реализации права на обращение за судебной защитой // Российская юстиция. – 1999. - № 5. – с. 14-16.

Особенности судебного рассмотрения дел по защите прав потребителей в сфере строительства жилья.

Шацкая Анастасия Валерьевна

студентка

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома, Россия

В настоящее время одним из самых распространенных способов улучшения гражданами своих жилищных условий при недостаточности капитальных государственных вложений является участие граждан в строительстве жилья путем его финансирования за счет собственных денежных средств. Однако участие физических лиц - не предпринимателей в подобных инвестиционных проектах весьма рискованно.

В числе основных финансовых и строительных рисков следует отметить такие, как необоснованное завышение заявленной сметной стоимости объектов жилья, нарушение сроков окончания строительства и качества вновь возводимого жилья, непрофессиональное или недобросовестное управление процессом строительства, использование небезопасных схем размещения денежных средств граждан, создание так называемых "финансовых пирамид", принятие экономически необоснованных и неэффективных решений, в некоторых случаях мошеннические действия на рынке строящегося жилья.

Изучение практики показало, что с целью приобретения жилых помещений граждане заключают с организациями договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные законами и другими правовыми актами.

Например, договоры граждан с организациями, привлекающими денежные средства граждан для строительства многоквартирных жилых домов, неисполнение которых послужило основанием для обращения в суд, носили самые различные названия: подряда, долевого участия в строительстве, совместной деятельности, приобретения квартиры по возмездному договору, в том числе с трудовым участием

гражданина - дольщика, купли-продажи квартиры с рассрочкой платежа, безвозмездной передачи квартиры в собственность, уступки требования (цессии) и др.

Зачастую организации специально подменяют и смешивают понятия, однако содержание перечисленных договоров (предмет, условия участия и взаимные права и обязанности сторон) является практически одинаковым.

В связи с приведенными выше факторами в полный рост встает проблема адекватной правовой защиты прав граждан, вкладывающих денежные средства в строительство жилья.

Судебная практика разрешения споров в рассматриваемой области весьма не однозначна, это вызвано, в первую очередь, различными подходами к определению правовой природы соответствующих отношений с точки зрения предмета договора.

Во всех регионах суды по-разному решали вопрос о применении закона РФ «О защите прав потребителей».

Все это значительно подрывает веру населения в саму возможность добиться действенной и эффективной защиты своих нарушенных прав за счет практической реализации законодательства о защите прав потребителей.

Мною был проведен общий правовой анализ проблем, возникающих при судебном рассмотрении дел о защите прав потребителей, в сфере строительства жилья. Статистической базой данной работы стали данные территориальных органов Роспотребнадзора, а также практика рассмотрения судами РФ дел по спорам между гражданами и организациями, привлекающими денежные средства граждан для строительства жилых многоквартирных домов.

Результаты анализа выявили проблемы, обусловленные спецификой рассматриваемого вида правоотношений, а также трудности, имеющие общий характер для всей системы судопроизводства, например, большие сроки рассмотрения дел, разногласия в вопросах подсудности, уплаты государственной пошлины.

После детального изучения проблем, возникающих при судебном рассмотрении дел по защите прав потребителей, в сфере строительства следует признать правильной практику тех судов, которые, установив, что между гражданами и хозяйствующими организациями возникают отношения по передаче товара (квартиры) в собственность или по выполнению работы, завершающейся передачей гражданину созданного результата (квартиры), а гражданин при заключении договора имеет намерение заказать или приобрести либо использовать товар (квартиру) исключительно для личных, семейных, домашних нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяли к указанным правоотношениям Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей".

Включив правоотношения указанных субъектов в круг правоотношений, регулируемых законодательством о защите прав потребителей, следует выделить ряд положительных моментов, поскольку положение гражданина становится более выигрышным, нежели положение организации, привлекающей денежные средства граждан для строительства многоквартирных жилых домов. Это освобождение от уплаты государственной пошлины, а также при предъявлении таких исков применяется правило подсудности по выбору истца.

На мой взгляд, судебный порядок защиты прав потребителей должен значительно выделяться среди других категорий дел, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, своей простотой, доступностью и демократичностью.

Литература

1. «Гражданский кодекс РФ» от 26.01.1996 №14-ФЗ

2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»
3. Я.Е. Парций (2006) Комментарий к закону РФ «О защите прав потребителей (постатейный)»
4. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 03.08.2006 N 228 "О мерах, направленных на повышение эффективности работы, связанной с защитой прав потребителей в сфере долевого строительства жилья".
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. N 7 "О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей"
6. В.А. Трапезников (2005) Судебная практика, связанная с инвестиционной деятельностью в капитальном строительстве//Арбитражный и гражданский процесс, №10
7. С.А. Салтанова (2003) Проблемы правовой защиты прав граждан, вкладывающих денежные средства в строительство жилья//Нотариус, №1